

ВETERАНЫ-ОКЕАНОЛОГИ ВСПОМИНАЮТ ВОЙНУ. К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

А. В. Хортов

*Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 36,
e-mail: Khortov.av@ocean.ru*

В статье приведены воспоминания океанологов: академика РАН **А. П. Лисицына** и член-корреспондента РАН **Г. Б. Удинцева**, записанные в 2002–2006 гг. Ровесники (им летом 1941 г. исполнилось 18 лет) и друзья детства, они в июле 1941 г. были призваны в армию, служили в авиации дальнего действия. В московское ополчение пошли их одноклассники, сокурсники и преподаватели.

Ключевые слова: 80 лет Победы, Краснопресненская дивизия народного ополчения, московский мотоциклетный полк, авиация дальнего действия, Вязьма, Александр Петрович Лисицын, Глеб Борисович Удинцев

Ещё совсем недавно, какие-нибудь 15–20 лет назад, многие ветераны Великой Отечественной войны были живы. В повседневной суете мы часто упускали возможность послушать их рассказы о том времени, о тех испытаниях, которые им пришлось пережить. Да и сами фронтовики-ветераны в основном только 9 мая рассказывали о войне. Например, наши соседи по дому, супруги, познакомились на фронте и все четыре года воевали в одном батальоне, а мы узнали об этом только после их кончины.

Наверное, всем нам казалось, что ещё будет время поговорить, расспросить... А теперь остаётся только сожалеть...

Александр Петрович Лисицын

Александр Петрович Лисицын (1923–2020) – участник Великой Отечественной войны; геолог, академик РАН (1994), доктор геолого-минералогических наук (1966), профессор (1974), работал в Институте океанологии им. П. П. Ширшова РАН с 1949 г. до последнего дня жизни. В 1941–1943 гг. проходил обучение в училище штурманов авиации дальнего действия (ААД). В 1943–1945 гг. служил в Советской армии штурманом авиации дальнего действия на Северо-Западном фронте. По заданию Государственного комитета обороны СССР участвовал в перегоне самолётов с заводов СССР на фронт, из США по трассе Аляска–Сибирь (АлСиб), в 1944–1945 гг. – в бомбардировках глубоко за линией фронта.

За заслуги перед Родиной и наукой А. П. Лисицын (рисунок 1) удостоен правительственных наград: орден Красной Звезды (1945), орден Отечественной войны (1945, 1985), орден «Знак Почета» (1961), орден Трудового Красного Знамени (1975), орден Дружбы народов (1983), орден Почета (1998), орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009), медаль «За отвагу» (1944), медаль «Академик П. П. Ширшов» (2014) и др.

Рис. 1 – Академик Александр Петрович Лисицын (фотография А. В. Хортова, 2006 г.)

Из диалогов с А. П. Лисицыным:

Хортов. Несколько лет назад геолог, выпускник МГРИ, рассказал мне печальную историю о московских коммунистических полках и батальонах, собранных из числа преподавателей и студентов (в том числе московского геологоразведочного института). Часть из них попала в мотоциклетный полк, который осенью 1941 г. вёл бои на Западном фронте.

Лисицын. Я тоже должен был быть в этом полку, поскольку был спортсменом-мотоциклистом, в различных гонках участвовал... Моя бабушка говорила: «От большого ума мотоциклист». Мотоциклы примитивные были. Говорят, что мы не

готовились к войне, что всё случилось неожиданно. Но за 2 года до войны бензин из свободной продажи исчез! Отпускался только по спецталонам! А мотоциклу нужен бензин. Какие-то умельцы придумали заправлять мотоцикл «Красный Октябрь» керосином с водой (пропустили две трубочки в карбюратор; а при определённом соотношении эта смесь работает, как бензин). Половина лошадиных сил уходила в пустоту, но тем не менее...

Хортов. *А ваши товарищи-сокурсники, попавшие в этот полк, все сгинули осенью 41-го?*

Лисицын. Из 12 мужчин в группе осталось двое; из 10 женщин – пятеро. Стрелять ведь никого не научили. Этот московский мотоциклетный полк с ходу бросили в бой, как в кино или романах. Многие погибли, включая командира полка (История Великой Отечественной Войны..., 1961; Лопуховский, 2007). Всех раскатали танками под Вязьмой, потому что «колясочники» с пулемётами против танков – это смешно.

Хортов. *Очень жаль. Они могли бы стать цветом советской науки.*

Лисицын. Согласен. И в авиации то же самое. Люди, которые могли бы стать академиками и сверхакадемиками, – погибали. А какие были художники! При первой возможности они доставали какие-то листочки и начинали рисовать шаржи на друзей или по воспоминаниям. Талантливый народ был (рисунок 2).

Рис. 2 – Дальний бомбардировщик ИЛ-4 (ДБ-3) готовится к боевому вылету (фотография из архива Г. Б. Удинцева)

Хортов. *И Вы оказались бы в ополчении, если бы не попали в авиацию?*

Лисицын. Должен был! Я закончил первый курс и, как все первокурсники, был большой лоботряс. Занимался мотоциклетным спортом в московском клубе

мотоциклистов. Всех нас в начале войны мобилизовали на организацию московского мотоциклетного полка (Лисицын Александр Петрович..., 2010). И этот полк должен был отправиться на фронт. Мотоциклы были с колясками; на них стоял пулемёт Дегтярёва (рисунок 3). Нам казалось, что это могучая техника, тем более, много мотоциклов... И мы врага побьём обязательно!

Рис. 3 – Колонна мотоциклистов во время остановки на Можайском направлении (октябрь 1941 г.) (открытый источник)

Историческая справка. В августе 1941 г. в Москве был сформирован 46-й отдельный мотоциклетный полк численностью около 1 500 человек; почти все коммунисты и комсомольцы. В составе действующей армии полк находился с 10 сентября 1941 г. по 27 апреля 1942 г. Приказом НКО СССР № 127 от 27.04.1942 г. мотоциклетный полк преобразован во 2-й отдельный гвардейский мотоциклетный полк. В составе действующей армии с 10 сентября 1941 г. по 27 апреля 1942 г. принимал участие в сражениях на северо-западных Волоколамском, Калининском и западном Ржевско-Вяземском направлениях (Куприянов, 1942). За этот период полностью сменился личный состав полка, включая трёх его командиров.

Вот что пишет об одном из боёв московского мотоциклетного полка писатель Илья Эренбург в очерке газеты «Красная Звезда» от 14 октября 1941 года: «Во время битвы под Москвой при лютom морозе отличился 46-й мотоциклетный полк. Это подразделение воевало на северо-западном направлении. Вместе с другими воинскими частями «сорок шестой» освобождал Волоколамск. Его бойцы участвовали и в разведке, и в боях совместно с лёгкими бронемашинами БА-64. Мотоциклисты проявляли чудеса отваги в схватках за каждый населённый пункт, оккупированный врагом. Немцы-то сидели в укрытиях, а нашим приходилось под огнём противника мчаться по заснеженному бездорожью. Водителей мотоциклов выручала смекалка.

Они двигались не плотным строем, а маневрировали, как бы метались, что мешало вести по ним прицельный огонь. К тому же сидевшие за их спинами автоматчики, а в колясках – пулемётчики – стреляли на ходу. Их поддерживали двигавшиеся в едином боевом порядке бронемашины БА-64. Всё это мотоциклисты совершали с большим риском и отчаянной храбростью» (Эренбург, 1941).

Лисицын. Я же военкоматом был отправлен в высшее авиационное училище. Дело в том, что одновременно с мотоциклетным полком через военкомат шло оформление и в авиацию. Я по здоровью оказался годен для авиации. Меня и Удинцева распределили в авиацию дальнего действия. Повестку получили рано утром, а вечером нужно было явиться на сборный пункт. Это было 22 июля 1941 г. И дальше эшелонам нас с Удинцевым отправили в Челябинское авиационное училище: «совершенно секретное» четырёхэтажное здание стояло в открытом поле.

Так вот про ополчение. Никто из пулемёта стрелять не умел. Об автоматах тогда мало что слышали. И мотоцикл «не очень»... Полк поздней осенью оказался под Вязьмой (Куприянов, 1942). Какой-то «большой» полководец бросил полк против танков. Такое можно придумать только в бреду! Естественно, танки их почти всех передавили (Лопуховский, 2007). Потом я пытался найти кого-нибудь с первого курса нашей группы. Из 12 мужчин осталось двое, остальные погибли. Все они были крепкие: в геологию хилый народ не пойдёт; все были настроены решительно, но война, как и любое дело, требует обучения, тренировки. Так что у меня отношение к ополчению крайне негативное. Но это была вынужденная мера, потому что немцы подходили к Москве.

Вы знаете про «Вяземский котел»? Оборонительная операция под Вязьмой (2–13 октября 1941 г.) завершилась катастрофой, окружением войск Красной Армии. Если ехать в сторону Белоруссии, то в районе Можайска есть памятник – стела с изображением головы десантника в шлемофоне и надписью: «их было 10 000». Там так же, как наши мотоциклисты из дивизии народного ополчения, все они шли на пулемёты, многие из них погибли (Вяземская..., 1985; Старчак, 1965; Федяев, 1995).

В 1812 г. под Бородино на левом фланге русских тоже стояло московское ополчение. И Наполеон, узнав об этом, бросил войска туда. Барклай-де-Толли прикрыл тогда отступление русских.

Хортов. Было же сформировано 16 дивизий народного ополчения. Особое место занимает печально известная 8-я стрелковая дивизия Краснопресненского района Москвы. Дивизия погибла за одни сутки.

Лисицын. В 3-ю московскую коммунистическую дивизию народного ополчения (рисунок 4) вошли научные работники, инженеры, студенты, служащие, в том числе и девушки, которые учились со мной на 1 курсе в МГРИ (Меметов, 1979; Ополчение..., 1978). Среди них были истребители танков и снайперы; многие из них погибли. Моя жена тоже участвовала в ополчении в коммунистическом батальоне от МГРИ. Учились мы в одной группе. Она была снайпер-истребитель танков (только попадись ей, истребит!). Некоторые потом оказались в партизанах, которых при попадании в плен немцы расстреливали.

Иногда об ополченцах писали в «Правде» и в других газетах, потому что они действительно героически отстаивали Москву (О друзьях-товарищах... 1975). Конечно, ополчение – это был акт отчаяния! Плохи дела были под Москвой...

В Германии в конце войны тоже начали мальчишек призывать! Давали им фаустпатрон и приказывали подбивать советские танки. И многие мальчишки совершали подвиги... Это тоже был акт отчаяния.

Хортов. В советское время об этом мало писали. Но у некоторых прозаиков с болью проскальзывало, что был выбит целый пласт интеллигенции (Лопуховский, 2007).

Лисицын. Выхода-то не было! Вспомните слова Жукова. В книге «Воспоминания и размышления» он писал: «Я знал, что между Вязьмой и Москвой нет ни одной боеспособной части». Что делать? Представьте себя на месте Жукова! Ведь всех собрали: курсантов, милицию, железнодорожников и бросали, бросали в бой (История Великой Отечественной..., 1961). А немцы всё перемалывали...

Хортов. Не хватало кадровой армии?

Лисицын. Кадровая армия у нас кончилась ещё в первые месяцы войны. А кончилась потому, что не было связи никакой! Без связи армия представляла собой вооруженную толпу людей.

Рис. 4 – Бойцы 3-й дивизии народного ополчения идут на фронт (октябрь 1941 г.)
(фотография А. В. Устинова, открытый источник)

Хортов. С кем из зарубежных учёных, участвовавших в войне, Вам доводилось вместе сотрудничать?

Лисицын. Со многими. Это Голберг, Орениус, Ревелл, Дитц, Менард. Всё это люди военного поколения. У нас с ними в год по несколько рейсов было, ещё когда Удинцев работал в институте. И каждую зиму они к нам приезжали. И Фербридж приезжал, и Ванадел.

Хортов. А Эмери? Он, правда, старше был.

Лисицын. Кеннет Эмери был замечательным человеком. Я всегда останавливался в его доме. Мы с Е. М. Емельяновым написали труд по Атлантике, а Эмери с Учупи – свою версию обширного исследования Атлантического океана (Академик Александр Петрович Лисицын..., 2023). И не ссорились, наоборот, обсуждали у кого что лучше для науки. И Эмери выдвигал меня на премию имени Ф. Шепарда. И у Шепарда я был в доме. Все они высокообразованные люди. Тогда начиналась «холодная война» с Россией, всех приезжающих в Штаты считали шпионами. На меня тоже сначала смотрели искоса. Потом отношение изменилось. Я был и в знаменитой электронной лаборатории в Сан-Диего под землёй, в пещерах. И благодаря Р. У. Фербриджу был в НАСА. Так что отношения были самые лучшие, какие должны быть между коллегами. Поэтому и выражение возникло общее: «Если не мы, то кто же»? Правда, у немца Дитца была жена немка, жутко фашиствующая; старалась строить всякие козни. Но ничего из этого не вышло.

Хортов. Как Вы считаете, Вас с ними объединяет причастность к поколению людей, переживших Вторую мировую войну?

Лисицын. Ну, конечно, мы – поколение войны, и все в какой-то мере участвовали в ней. А после войны работали в геологии добросовестно, ответственно. Любили и пошутить, и посмеяться. Сейчас поколение другое...

Глеб Борисович Удинцев

Глеб Борисович Удинцев (1923–2017) – участник Великой Отечественной войны, советский и российский океанолог-геоморфолог, член-корреспондент Российской академии наук, доктор географических наук, профессор, дважды лауреат Государственной премии СССР (1969, 1977). В 1941–1943 гг. проходил обучение в училище штурманов авиации дальнего действия (ААД). С августа 1944 г. – на фронтах Великой Отечественной войны, в 3-м гвардейском полку АДД участвовал в боевых вылетах в качестве штурмана самолёта-бомбардировщика ИЛ-4 (рисунок 5).

Награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, орденом «Знак Почёта», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Белоруссии», Почётной грамотой президента Российской Федерации (2015) и другими наградами. В Институте океанологии работал на протяжении 30 лет (с 1946 г. по 1976 год).

Удинцев. Я закончил школу в 1940 г. в 17 лет (пошёл на год раньше). Почти все мои одноклассники были 1922 года рождения, летом 1941 г. они попали в армию, а к

концу 1941 г. погибли. В классе было 20 мальчиков, после войны в живых осталось трое: я, ещё один парень, которого направили в НКВД (дослужился потом до полковника), и ещё один, признанный негодным по медицинским показателям.

Рис. 5 – Член-корреспондент РАН Глеб Борисович Удинцев
(фотография из архива Г. Б. Удинцева)

Удинцев. Когда началась война, я после 1 курса МГУ проходил практику в долине р. Сетунь. Мы занимались геодезической съёмкой, жили в палаточном лагере. Тогда это было далеко от Москвы, и мы ездили на электричке, вторая остановка от Белорусского вокзала. 21 июня был сильный дождь, и наши палатки промокли. Преподаватель отправил нас ночевать домой. И мы разъехались по домам.

22 июня, узнав о начале войны, я помчался в военкомат. Мне сказали: «Пиши заявление, рассмотрим». Но потом только повестки давали разносить тем, кого уже призывали. Я записался в МГУ в народное ополчение. 20 июля ополчение начинали отправлять (на Беговой улице, напротив Ваганьковского кладбища). Я пришёл туда и сказал, что в ополчение не поеду. Главный по политчасти поднял шум и закричал: «Ты дезертир!». Но мне уже вручили повестку из военкомата; 18–19 июля я прошёл медкомиссию и меня спросили, в каких войсках хотел бы служить. Ответил, что хочу во флот, потому что перед войной я очень увлекался парусным спортом; на яхте ходил. Однако по здоровью меня направили в авиационное училище. И я дал подписку о невыезде. Поэтому и сказал политработнику, что не поеду в ополчение, так как уже дал подписку о невыезде в военкомате.

22 июля ещё раз вызвали в военкомат Октябрьского района. Во многих книжках, посвящённых начальному периоду отечественной войны, есть фотография дежурного из Октябрьского военкомата (рисунок 6), на которой сержант принимает заявления от добровольцев (История Великой Отечественной войны., 1961). Этот сержант мне говорит:

- Удинцев? Стрижись!
- Чего?
- Стрижись!
- Не могу понять.
- Наголо. Наголо. Машинкой.
- И что дальше?
- К 17 часам придёшь.

Рис. 6 – Военкомат Октябрьского района в первый день войны
(фотография Устинова А. В., открытый источник)

Я подстригся и пришёл к 17 часам на сборный пункт. Оттуда всем собравшимся призывникам нужно было ехать на трамвае на Ярославский вокзал. Но только мы пошли вдоль насыпи железной дороги к трамвайной остановке, началась первая бомбёжка Москвы. Нам приказали остановиться и рассредоточиться по склону насыпи. К рассвету налёт кончился, и мы доехали на трамвае до Ярославского вокзала.

Утром нас отправили в авиационное училище штурманов в Челябинск. Тогда оно называлось училище стрелков-бомбардиров. Курс был короткий, 6 месяцев. Сразу же летать начали на бомбёжку, и ещё всякими работами занимались. Прошло 6 месяцев и нас перевели в авиацию дальнего действия с курсом обучения – один год.

Хортов. Это уже 1942 год?

Удинцев. Да, начало 1942 года. Проходит какое-то время, начинается наступление немцев на Сталинград. В училище было 5 000 курсантов, по низкой

успеваемости отобрали 2 500 и отправили в Нижний Тагил, где формировались танковые соединения. Из этих 2 500 курсантов, судя по всему, уцелел только один; он приезжал в училище в отпуск; просился обратно, но его не взяли. По его словам, все погибли.

Хортов. Их бросили на Сталинград?

Удинцев. Их посадили в танки радистами. А мы доучивались до осени 1943 г. 6 ноября 1943 г. наши войска взяли Киев, а в день Октябрьской революции нас выпустили младшими лейтенантами (рисунок 7).

Рис. 7 – Штурман 3-го гвардейского Краснознаменного бомбардировочного Смоленско-Берлинского полка авиации дальнего действия гвардии младший лейтенант Удинцев перед боевым вылетом. Лето 1944 г. (фотография из архива Г. Б. Удинцева)

Удинцев. Меня определили в полк в Бузулуке, где формировали экипажи: пилот, штурман и стрелок-радист. Мы должны были несколько месяцев вместе полетать. Но была зима, аэродром засыпан снегом, а топлива для тракторов не было. И тогда вместо полётов нам приказали заниматься спортом. Я ходил на лыжах, даже участвовал в соревнованиях. А весной мы начали летать: апрель, май, июнь; в июле 1944 г. все разъехались по боевым полкам. Я попал в Борисполь, возле Киева, и началась моя боевая биография.

До весны 1945 г. мы летали на бомбежки только ночью, а с 27 марта стали летать и в дневное время (рисунок 8). Приближалось окончание войны, и цели были точечные.

Рис. 8 – Дальний бомбардировщик ИЛ-4 (ДБ-3) в полёте
(фотография из архива Г. Б. Удинцева)

Удинцев. Однажды мы летели бомбить морскую крепость Хель, возле Данцига. Там дальнбойные орудия не подпускали наш флот. Был осаждён Кёнигсберг, из порта Пиллау (теперь Балтийск) военные корабли уходили на Данциг. И эта крепость мешала нашим кораблям. А в Данциге немцы строили подводные лодки. Тогда командир подводной лодки Маринеску потопил два немецких корабля с шестью тысячами солдат и офицеров, в том числе с экипажами подводных лодок. Мы начали бомбить эту крепость, на нас обрушились зенитки, потом два истребителя МЕ-109. Наш стрелок их сбил: один закувыркался и упал, а другой задымился и ушёл. Сразу за ними пришли более современные два истребителя Фокке-Вульф 190 (очень опасные истребители: летающая крепость с четырьмя пушками и двумя пулемётами). Они зашли снизу, сразу убили нашего стрелка-радиста, а затем и «хвостового» стрелка тоже. Он выпал в море из открытого нижнего люка. Мотор зажгли, но мы его потушили, сбив пламя планированием. Потом бензобак пробили и шасси повредили сильно. Все баллоны изрешетили. По моторам били, а шасси находятся под моторами. Поэтому, когда мы плюхнулись, колеса были изрешечены. Дотянули до линии фронта на одном моторе.

Хортов. А почему немцы вас не добились?

Удинцев. Дело в том, что линия фронта стремительно двигалась. И разобраться было очень трудно, линия обороны менялась буквально за часы. Нас предупредили, что если будете бомбить по запасным целям, то ни в коем случае не отбомбитесь по своим. Это жестоко каралось. Бывали случаи, когда за это в штрафбат попадали.

А мы дотянули до линии фронта, стараясь идти как можно ниже, потому что на малой высоте нас сложно было добивать. Внизу уже были наши зенитки. Сначала мы с пилотом Юрой Комарицким подумали, что это немецкие зенитки по нам стреляют, а потом увидели, что немцы уходят... Испугались, что их подбьют наши зенитки, и ушли.

А мы сели и не сразу поняли, где сели. Подумали, что на немецком аэродроме: увидели, что к нам бегут люди в немецкой форме. Пилот мне сказал:

- Сними пулемёт!
- Его не снять, всё разворочено!
- Ну, пистолет доставай.
- Юра, а ведь это наши!
- Откуда ты знаешь?
- А у них на плечах видны красные погоны.

У немцев погон красных не было. У наших тоже погон красных не было, но это были старшины – аэродромные технари, а у них вдоль погона идёт широкая красная полоса. Там базировался полк штурмовиков ИЛ-2, а мы их приняли за Ю-87, машины очень похожи. Тоже одномоторные, горбатые, только шасси не убирается, поэтому их называли «лаптежники». Рядом стоял полк ИЛ-4 –торпедоносцы. Гибли очень часто. У немцев была тактика: они стреляли не по цели, а по воде. Идёт торпедоносец на бреющем, врежется в столб воды и ВСЁ! Фильм «Торпедоносцы» видел?

Хортов. Нет, не помню.

Удинцев. Я советую посмотреть. Замечательный фильм; режиссёр сам был пилот торпедоносца (Торпедоносцы, 1983). В районе Мурманска он поставил памятник ИЛ-4: подняли один самолёт из болота.

Хортов. Из того вылета в живых остались Вы с пилотом? Оба стрелка погибли?

Удинцев. Да, погибли.

Хортов. А этот мальчик, «хвостовой» стрелок, был 1926 года рождения?

Удинцев. Да. Это был его первый боевой вылет. Всё волновался, как к маме вернётся, если ни разу в бой не слетал. Жалко его. Командир его уговаривал пока не летать. А тот просился, просился... Ну, командир и махнул рукой: лети.

Хортов. Мало того, что погиб, ещё и выпал в море. Могилы нет.

Удинцев. И могилы нет. Другому стрелку тоже не повезло: через него очередь прошла сверху вниз. Голова совсем развалилась. Его там и похоронили. Потом, поляки, я думаю, уничтожили его могилу. Было время, когда из Калининграда автобус ходил и визу можно было получить туристическую. Теперь поляки очень враждебно относятся. В Данциге аспирант у меня был поляк, преподавал в университете. Один мой знакомый туда ездил, и этот поляк ему рассказывал, как в детстве мальчишкой там пас корову, и видел всю историю с нашим самолётом.

В ожидании отправки самолёта в нашу часть я пошёл Эльбинг (теперь Эльблонг) посмотреть. Повсюду при спешном отступлении немцев на земле были разбросаны вещи, мундиры с орденами, книги. Я подобрал несколько книг. У них была большая

серия альбомных изданий: «Гитлер и молодежь», «Гитлер и дети», «Гитлер и животные». Их сейчас переиздают. Я недавно был в Берхтесгадене, в одной из резиденций Гитлера (это фактически музей Гитлера). Там продают эти книги-альбомы, и немцы их охотно покупают. У них всё-таки ностальгия, особенно у пожилых, по довоенному времени. Они говорят: «Нам при Гитлере очень хорошо жилось. Войну он проиграл. Это плохо. А так всё хорошо было».

***Хортов.** Если сейчас в разговорах с пожилыми немцами затрагивается тема войны, то как себя лучше вести?*

***Удинцев.** Сочувственно. Все мы пострадали. На войну с Советским Союзом Гитлера подталкивали не только западные страны и поляки. Прибалты очень хотели быть союзниками Гитлера в борьбе с Россией. Поляков немцы продали, а прибалтам обещали: вас мы в обиду не дадим. И сразу стали снабжать их оружием. Прибалты всегда воевали с нами. И они правы, когда называют нас оккупантами. А я бы добавил: «Мы были плохими оккупантами. Надо было их как следует вздрючить за то, что они делали». Наш сотрудник Никита Зенкевич в 1941 г. был в Каунасе при отступлении и вспоминал потом, как из окон домов в спину стреляли; у всех были автоматы (немцы снабжали). Они немцев сразу приняли; у них и дивизии эсэсовские были, очень эффективно действовали против белорусских партизан. Поразительно, евреи добиваются преследования всех сомневающихся в существовании Холокоста, а про то, что прибалты расстреливали всех евреев, об этом – ни слова.*

Бандеровцы очень нам досаждали, вели себя подло, из леса расстреливали идущие на взлёт машины с бомбами. На взлёте самолёт легко подбить; пилот не может никакой маневр совершить. Однажды командир полка запросил разрешения в корпусе отбомбиться по лесу. Лес разнесли в щепки, и всё кончилось.

Вспоминается ещё случай. Сформировалось крупное соединение бандеровцев. Они объявили поход на Киев в конце 1944 г., шли к городу большими группами, наш аэродром обтекали; но нас всех подняли по тревоге. Вскоре бандеровцы были разбиты под Белой Церковью. У них даже своя авиация была; на У-2 в разведку летали. Один раз, допустив ошибку в расчётах, мы чуть было не сели на их аэродром в Тернополе (расстояние от нашего аэродрома в Красиловое до Тернополя около 100 км). Там зажглись посадочные огни. Мы начали снижаться, но они нас «вовремя» обстреляли, иначе бы мы «плюхнулись» к ним. Пилот Миша Красновский меня обругал, а я ему: «в расчётах немного ошибся».

Я недавно прочитал книжку одного немца, в которой была глава «Сталинские асы по оценке немецких лётчиков» (Швабедиссен, 2001). Автор пишет, что тактика уничтожения в начальный период войны самолётов, особенно устаревших, на аэродромах была ошибочной. Самолётам не давали взлететь. А надо было убивать не самолёты, а лётчиков. Самолёты можно построить за недели, а лётчиков нужно готовить 2 года и более. Вот такая людоедская философия!

***Хортов.** Наш профессор-геолог А. И. Летавин рассказывал про своё участие в Крымско-Керченских десантах 1942–1943 гг., где погибло очень много десантников.*

Удинцев. В Институте океанологии работал Миша Козлянинов. Он служил в войну на катерах-охотниках. Вспоминая про участие в высадках, рассказывал, как тяжело было десантникам. Подойти вплотную к берегу было невозможно, и они прыгали в ледяную воду.

Патриотизм был очень высокий. К примеру, Вадим Головинский (однополчанин Г. Б. Удинцева, впоследствии главный геолог Тихоокеанской экспедиции в Южно-Сахалинске, кандидат геолого-минералогических наук – прим. автора) в 1944 г. ушёл из училища штурманов в стрелки, которых готовят 2–3 месяца, чтобы успеть повоевать (Головинский, 2008). Штрафбаты были, но их было немного. Заградотряды были в 1941 г., когда красноармейцы массово выходили из окружений и среди них попадались переодетые немцы. Потом были заградотряды в 1942 г., потому что после разгрома наших под Харьковом, армия была деморализована, бежала. Кругом степи, места голые. И заградотряды жёстко действовали. А вот лётчиков знаешь куда отправляли?

Хортов. Куда?

Удинцев. Стрелками на ИЛ-2, на штурмовик. Там в шутку говорили: «У каждого летчика на ИЛ-2 есть норма: 10 убитых стрелков-радистов». Лётчик прикрыт бронёй, а стрелок-радиист нет.

Хортов. Вадим Головинский рассказывал, что в бою немецкие лётчики били по звезде, то есть по тому месту самолёта, где сидел стрелок-радиист. Убив стрелка, заходили на новый круг, и уже с близкого расстояния били наверняка.

Удинцев. А дополнительную броню из-за сильной перегруженности на штурмовики ставить отказывались. Были бронированы мотор и спинка кресла у лётчика; хвост – деревянный, обтянутый перкалем. Поэтому и появились мрачные шутки: у пилота норма: 10 стрелков-радистов. Когда 10 стрелков убьют, тогда самому пилоту нужно беречься.

Примечание автора. Эту байку про норму пилота штурмовика ИЛ-2 подтвердил на встрече 9 мая 2006 г. стрелок штурмовика Рахмон Исмаилов (рисунок 9).

Рис. 9 – В гостях у Г. Б. Удинцева приехавший из Самарканда на празднество Дня Победы 9 мая 2006 г. стрелок штурмовика ИЛ-2 Р. И. Исмаилов (фотография А. В. Хортова)

Удинцев. Из нашего полка один пилот попал в штрафную эскадрилью; летал, пока его не ранили; потом вернулся в полк. Другой лётчик попал в пехотный полк; после ранения тоже вернулся.

Была такая героическая фигура как Владимир Карпов, который в штрафбате в пехоте получил звание Героя Советского Союза. В мирное время стал писателем.

Хортов. Вернёмся к теме 8-й Краснопресненской дивизии народного ополчения, куда Вы сначала были приписаны. В разных публикациях по теме московских дивизий народного ополчения в 1941 г. пишут о том, что там погиб весь цвет московской интеллигенции, что призывались люди, не пригодные к воинской службе...

Удинцев. Я сам туда сначала записался. Из университета в ополчение шли профессора, преподаватели. У меня среди них было много молодых и пожилых знакомых, ровесников моего отца. Наверное, было большой ошибкой принимать в ополчение людей пожилого возраста. Многие наши профессора погибли: динамическую геологию читал профессор Костюкевич – погиб; Васильев, его ассистент – погиб. Погиб и профессор Малюжениц, он старше папы был.

Хортов. Это в Краснопресненской дивизии?

Удинцев. Да. Профессоров много туда взяли. Был такой Леваницкий, до революции – гусарский ротмистр, старый такой интеллигент. Любил много и интересно рассказывать...

Хортов. И тоже пошёл в ополчение?

Удинцев. Да. И тоже погиб. Сейчас пишут, что много было пролито крови, но она была пролита не зря, потому что на 1.5 месяца задержали немцев (Пошеманский, 1984). И они начали наступление на Москву только в середине октября. Писатель Карпов написал об этом в одной из своих книг (Карпов, 1994). Приводятся доклады Сталину: немцы жалуются, что армия устала. Началась распутица, машины вязли в нашей грязи. Плохо было со снабжением. Потом ударили морозы, а одеты немцы были по-летнему. Ты видел их форму?

Хортов. Нет.

Удинцев. У них одежда была вроде из сукна, но очень тонкого (такое эрзац-сукно); шинель, как пиджак нынешний. Летняя форма. У них в пилотках уши мёрзли. Сапоги надевали на носок. А что такое носок, когда холод собачий? Тяжело им было у нас. Но никто их не звал (смеётся). Вся техника у них была на летних маслах; зимой мотор запускали только к середине дня. Если бы не смоленско-вяземская группировка войск, они бы подошли к Москве в сентябре, когда была хорошая погода.

Но ещё весь 1942 г. воевали немцы очень эффективно, однако в 1943 г., после Курской дуги, наступать уже не могли. В 1941 г. всю нашу технику уничтожили. Заводы эвакуировали на восток (ставили станки прямо на землю, не было крыши над головой). Выпускать технику качественную начали только в 1942 г. И танки стали делать в Челябинске и Нижнем Тагиле. Поэтому численность и качество вооружения резко возросли. За немцев воевала против нас вся Европа. В пропагандистских целях в нашей стране писали про Движение Сопротивления. По сути оно было ничтожным. Французы, голландцы, испанцы, австрийцы и другие страны поставляли

немцам целые дивизии солдат. И техника у них всё время совершенствовалась. У нас появились «Катюши», а у них – реактивные минометы. Мессершмитт ME-109 считался самым массовым и лучшим истребителем Второй мировой войны. Фокке-Вульф вошёл в серию, но массовым не стал. А потом они в 1944 г. и реактивный истребитель в серию запустили, а у нас ещё реактивных самолётов не было. Радары у немцев уже работали, а у нас их было совсем немного от американцев.

Хортв. *Вадим Головинский вспоминал, что при бомбёжке Будапешта в 1944 г. их машины сбивали зенитки и ночные истребители с радарам.*

Удинцев. Мой пилот, с которым я летал, рассказывал, как, отбомбившись ночью, они отходили от цели, и вдруг у него между ног проходит трасса, и рулевая колонка фактически разваливается. Оказывается, это ME-110, у которого вертикально стоял радар, подошёл снизу к самолёту, встал под ним и дал очередь. Всё происходило в полной темноте. С конца 1944 г. в нашем полку стали давать стрелку мешок фольги, чтобы разбрасывал её над целью для отвода радаров.

От автора. *Ниже приведён фрагмент из очень интересных воспоминаний однополчанина Г. Б. Удинцева «хвостового» стрелка ИЛ-4 Вадима Игоревича Головинского, в чьи обязанности входил противолокаторный сброс фольги.*

Штурман расстелил по относительно просторной штурманской кабине навигационные карты. Вскоре послышался его тревожный голос:

– Командир, давай противолокаторный!

Машина заныряла, как в грозовой облачности. Сначала подумали, что нас с радистом мучают зря. Но вскоре увидели, что вместо машины, которую наблюдали впереди и выше, остались только облачка разрывов. Горы прошли благополучно, продолжая набирать высоту. Поднялись до шести тысяч. Надели кислородные маски, очень скоро начали мёрзнуть конечности. При подходе к освещённому САБами городу руки и ноги с болью стали отогреваться. И хотя на этой высоте был сорокаградусный мороз, по лицу струился пот. При открытом заднем люке, в который был опущен пулёмёт, пот тёк и по голым рукам, которые лежали на стальном трубчатом каркасе пулёмётной люльки, и по большим пальцам на гашетке. Вопреки законам физики пальцы почему-то не примерзали к металлу.

Удинцев. Сопrotивлялись немцы ожесточённо до самого конца. Боялись, что наши будут зверствовать так же, как фашисты, но наши воины ничего подобного не позволяли. На Нюрнбергском процессе советская сторона предложила пленных немцев использовать для восстановления разрушений на территории СССР. Американцы были против этого, предлагая пленных отпустить. Только благодаря жёсткой позиции советского правительства пленные немцы и японцы до 1950-х годов трудились на благо нашей Родины.

Хортв. *Вам же случалось работать с немцами в послевоенные годы? Доводилось ли беседовать с ними на тему Второй Мировой войны, особенно с пожилыми, с теми, кто лично участвовал в войне?*

Удинцев. Разговаривал, конечно. Те, кто воевал, чувствовали себя виноватыми, поэтому чаще всего говорили, что на Восточном фронте не были.

Но вспоминаю одного немецкого учёного, который, видимо, чувствуя за собой вину, нам всячески помогал. И я сначала не понимал почему... Через несколько лет, празднуя Рождество, мы разговорились, и он рассказал, что воевал как раз под Москвой. Был сильно ранен в бою, перебило осколками ноги, а немцы начали отступать. Он очнулся в немецком госпитале; врач его спросил:

– Ты знаешь, кто тебя сюда принёс?

– Мои солдаты?

– Твои солдаты тебя бросили в снегу. Ты замерзал. А принёс тебя сюда старик, у которого вы при отступлении дом сожгли. Он тащил тебя сюда так далеко потому, что не мог отогреть, изба-то его сгорела.

На моего коллегу это произвело такое впечатление, что на Восточный фронт он больше воевать не пошёл (Удинцев, 2008).

Хортов. Эта запись была сделана в 2002 г. дома у Г. Б. Удинцева в жилищном кооперативе «Соломенная сторожка». В то время между бывшими однополчанами – штурманом Глебом Борисовичем Удинцевым и стрелком-радистом Вадимом Игоревичем Головинским – шла активная переписка при подготовке воспоминаний о боевой работе 3-го гвардейского Краснознаменного бомбардировочного Смоленско-Берлинского полка авиации дальнего действия в годы Великой Отечественной войны.

Мне посчастливилось помогать им в этой работе. Живя и работая в разных городах (Удинцев в Москве, а Головинский – в Геленджике), они с моей помощью обменивались фотографиями, уточняли даты и подробности тех или иных событий военных лет. В 2009 г. вышла книга воспоминаний Г. Б. Удинцева «Магеллановы облака» (Удинцев Записки... 2009). В неё составной частью вошли его рассказы, фрагменты которых были опубликованы в серии статей (Удинцев Вылет..., 2003; Удинцев О войне..., 2010; Удинцев Штурман... 2010). А в 2010 г., незадолго до своей кончины, малым тиражом издал небольшую книжечку воспоминаний и В. И. Головинский.

В год 80-летия Победы хочется вспомнить всех ветеранов Великой Отечественной войны, с кем посчастливилось дружить и работать. Помянуть добрым словом всех тех, кто сражался и погиб в ополчении в осень–зиму 1941 г., тех, кто выжил и дошёл до победного 1945 г., поблагодарить их за Великую Победу!

Источник финансирования. Работа выполнена в рамках государственного задания по теме № FMWE–2024–0024.

Список литературы

1. Академик Александр Петрович Лисицын. Очерки, воспоминания. М.: Научный мир, 2023. 282 с.
2. Бессуднова З. А., Сидорин А. Я. Глеб Борисович Удинцев – штурман бомбардировщика и исследователь дна Мирового океана. История наук о Земле. 2010. Т. 3. № 3. С. 23–29.
3. Вяземская воздушно-десантная операция 1942 // Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / под ред. М. М. Козлова. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 197–198.

4. Головинский В. И. Однополчанину Глебу Удинцеву // Литературно-художественный альманах «Орфей». 2008. № 3. 35 с.
5. Исповедь сына века. Воспоминания. Очерки. СПб.: Серебряный век, 2024. 816 с.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Военное изд-во министерства обороны Союза ССР, 1961. 680 с.
7. Карпов В. В. Взять живым! М.: Вече, 1994. 464 с.
8. Куприянов И. 46-й мотоциклетный полк в боях за Родину. М.: Гослитиздат, 1942. 32 с.
9. Лелюшенко Д. Д. Москва–Сталинград–Берлин–Прага. Записки командарма. М.: Наука, 1987. Изд. 4-е, испр. 408 с.
10. Лисицын Александр Петрович. Навеки в памяти: члены Российской академии наук о войне 1941–1945. М.: Наука, 2010. 331 с.
11. Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза, 2007. 640 с.
12. Меметов В. С. Защищая Москву: интеллигенция столицы в период битвы под Москвой. М.: Наука, 1979. 135 с.
13. Мирлин Е. Г. В память о Глебе // Океанологические исследования. 2023. Т. 51. № 4. С. 232–244.
14. О друзьях-товарищах: сборник воспоминаний бойцов и командиров 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии: Изд. 2-е, доп. и испр. / Сост. Т. К. Некрасов. М.: Московский рабочий, 1975. 208 с.
15. Ополчение на защите Москвы: документы и материалы о формировании и боевых действиях московского народного ополчения в июле 1941 – январе 1942 гг. М.: Московский рабочий, 1978. 476 с.
16. Пошеманский Ю. М. Солдаты Красной Пресни. М.: Московский рабочий, 1984. 93 с.
17. Старчак И. Г. С неба – в бой. М.: Воениздат, 1965. 410 с.
18. Торпедоносцы. Художественный фильм. Военная драма. Реж. С. Д. Аранович 1983.
19. Удинцев Г. Б. Вылет на Яхромский мост // Московский журнал. 2003. № 12. С. 20–26.
20. Удинцев Г. Б. Записки по гидрографии. Магеллановы облака. СПб.: Управление навигации и океанографии МО РФ, 2009. 579 с.
21. Удинцев Г. Б. О войне. Навеки в памяти: члены Российской академии наук о войне 1941–1945. М.: Наука, 2010. 331 с.
22. Удинцев Г. Б. Познавшие душу противника: воспоминания о встречах с немецкими участниками войны // Москва. 2008. № 5. С. 191–200.
23. Удинцев Г. Б. Штурман самолёта-бомбардировщика // Служили верой и правдой: воспоминания о войне членов Отделения наук о Земле Российской академии наук. М.: Светоч Плюс, 2010. С. 237–256.
24. Федяев О. М. Когда десант обречен: о причинах неудачного применения советским командованием воздушно-десантных войск в Вяземской (январь 1942 г.) и Днепровской (сентябрь 1943 г.) операциях // Военно-исторический журнал. 1995. № 5. С. 30–35.
25. Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. / Пер. с англ. Минск: Харвест, 2001. 528 с.
26. Эренбург И. Смелый рейд советских мотоциклистов // Красная звезда. 1941. № 242. 14 октября.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025, одобрена к печати 15.06.2025.

Для цитирования: Хортов А. В. Ветераны-океанологи вспоминают войну. К 80-летию Победы // Океанологические исследования. 2025. № 53 (2). С. 252–271. [https://doi.ocean.ru/10.29006/1564-2291.JOR-2025.53\(2\).13](https://doi.ocean.ru/10.29006/1564-2291.JOR-2025.53(2).13).

OCEANOLOGIST VETERANS REMEMBER THE WAR. FOR THE 80th ANNIVERSARY OF THE VICTORY

A. V. Khortov

*Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences,
36, Nakhimovskiy prospekt, Moscow, 117997, Russia,
e-mail: Khortov.av@ocean.ru*

The stories and memories of oceanologists Academician of the Russian Academy of Sciences **A. P. Lisitsyn** and Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences **G. B. Udintsev**, recorded in 2002–2006, are presented. Peers (they turned 18 in the summer of 1941) and childhood friends, they were drafted into the army in July 1941, ending up in long-range aviation. Their classmates, fellow students, and teachers joined the Moscow militia.

Keywords: 80 years of Victory, Krasnopresnenskaya division of the people's militia, Moscow motorcycle regiment, long-range aviation, Vyazma, Alexander Petrovich Lisitsyn, Gleb Borisovich Udintsev

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the state assignment on topic No. FMWE-2024-0024.

References

1. *Academician Alexander Petrovich Lisitsyn. Essays, Memories.* 2023. Moscow, Scientific World, 282 p.
2. *About friends and comrades: a collection of memoirs of soldiers and commanders of the 3rd Moscow Communist Rifle Division*, 1975: Comp. T. K. Nekrasov. 2nd ed., suppl. and corrected Moscow, Moskovsky rabochy, 208 p.
3. Bessudnova, Z. A. and A. Ya. Sidorin, 2010: Gleb Borisovich Udintsev – bomber navigator and explorer of the ocean floor. *History of Earth Sciences*, **3** (3), 23–29.
4. *Confession of the son of the century. Memories. Essays.* 2024, Saint Petersburg, Silver Age, 816 p.
5. Ehrenburg, I., 1941: A Bold Raid of Soviet Motorcyclists. *Krasnaya Zvezda*. 242, October 14.
6. Fedyaev, O. M., 1995: When the landing is doomed: on the reasons for the unsuccessful use of airborne troops by the Soviet command in the Vyazma (January 1942) and Dnieper (September 1943) operations. *Military History Journal*, **5**, 30–35.
7. Golovinsky, V. I., 2008: To fellow soldier Gleb Udintsev. *Literary and art almanac "Orpheus"*, **3**, 35 p.
8. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945.* 1961: In 6 volumes. Vol. 2: Reflection of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR by the Soviet people. Creation of conditions for a radical turning point in the war (June 1941 – November 1942). Moscow, Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR, 680 p.
9. Karpov, V. V., 1994: *Take him alive!* Moscow, Veche, 464 p.
10. Kupriyanov I., 1942: *46th Motorcycle Regiment in the Battles for the Motherland.* Moscow, Goslitizdat, 32 p.

11. Lelyushenko, D. D., 1987: *Moscow-Stalingrad-Berlin-Prague. Notes of the Army Commander*. 4th ed. corrected, Moscow, Nauka, 408 p.
12. Lisitsyn Aleksandr Petrovich. *Forever in Memory: Members of the Russian Academy of Sciences on the War of 1941–1945*. Moscow, Nauka, 2010. 331 p.
13. Lopukhovskiy, L. N., 2007: *Vyazemskaya Catastrophe of '41*. Moscow, Yauza, 640 p.
14. Memetov, V. S., 1979: *Defending Moscow: the capital's intelligentsia during the Battle of Moscow*. Moscow, Nauka, 135 p.
15. Mirlin, E. G., 2023: In memory of Gleb. *Journal of Oceanographic research*, **51** (4), 232–244.
16. Poshemansky, Yu. M., 1984: *Soldiers of Krasnoy Presnya*. Moscow, Moskovsky rabochy, 93 p.
17. Schwabedissen, V., 2001: *Stalin's Falcons: Analysis of the Actions of Soviet Aviation in 1941–1945*. Translated from English. Minsk: Harvest, 528 p.
18. Starchak, I. G., 1965: *From the sky to battle*. Moscow, Voenizdat, 410 p.
19. *The militia in defense of Moscow: documents and materials on the formation and combat operations of the Moscow people's militia in July 1941–January 1942*. Moscow, Moskovsky rabochy, 1978, 476 p.
20. *Torpedo bombers. Feature film. War drama*. Dir. S. D. Aranovich, 1983.
21. Udintsev, G. B., 2003: Flight to the Yakhromsky Bridge. *Moskovsky zhurnal*, **12**, 20–26.
22. Udintsev, G. B., 2009: *Notes on hydrography. Magellanic clouds*. St. Petersburg: Navigation and oceanography department of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 579 p.
23. Udintsev, G. B., 2010: *About the war. Forever in memory: members of the Russian Academy of Sciences about the war 1941–1945*. Moscow, Nauka, 331 p.
24. Udintsev, G. B., 2008: *Those who knew the soul of the enemy: memories of meetings with German participants in the war*. Moscow, **5**, 191–200.
25. Udintsev, G. B., 2010: *Navigator of a bomber aircraft. They served faithfully and truly: memories of the war by members of the Earth Sciences Department of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Svetoch Plus, 237–256.
26. Vyazemskaya airborne operation of 1942. 1985: *The Great Patriotic War, 1941–1945: encyclopedia*. Edited by M. M. Kozlov, Moscow, Soviet Encyclopedia, 197–198.

Submitted 15.05.2025, accepted 15.06.2025.

For citation: Khortov, A. V., 2025: Oceanologist veterans remember the War. For the 80th anniversary of the Victory. *Journal of Oceanological Research*, **53** (2), 252–271, [https://doi.ocean.ru/10.29006/1564-2291.JOR-2025.53\(2\).13](https://doi.ocean.ru/10.29006/1564-2291.JOR-2025.53(2).13).